

И. В. СЕДОВ

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ДАННЫХ БОЯРСКИХ СПИСКОВ

Боярские списки являются важнейшим источником для изучения «государства двора». Исследователь боярских списков XVI—первой трети XVII в. А. Л. Станиславский установил, что боярские списки были двух видов: «подлинные» и «наличные», проследил порядок их составления и функционирования.

А. Л. Станиславский специально остановился на вопросе достоверности этого вида источников. Он отметил возникавшие «иногда механические ошибки», «сравнительно немногочисленные опiski в именах, ошибочные сведения в пометах о службах и т. д.», которые «исправлялись и уточнялись в тех же или в последующих боярских списках после дополнительной проверки». По мнению исследователя, «сама техника составления постоянно действующих „подлинных“ боярских списков... и официальный характер используемых ими источников гарантируют полноту и достоверность этих важнейших документов Разряда».¹

С 1667 г. боярские списки стали составляться не в столбцах, а в книгах, что было связано с многократным увеличением численности московских чинов к концу XVII в. и соответствующим ростом объема боярских списков. Задача настоящей статьи состоит в выяснении достоверности содержащихся в боярских списках данных более позднего времени — 1667—1682 гг. Таким образом, предметом рассмотрения являются первые пятнадцать лет нового этапа в истории боярских списков — с 1667 г. до смерти царя Федора Алексеевича.

Когда количество стольников составляло несколько десятков человек, то контролировать изменение их состава, служебные назначения, состояние здоровья и дату смерти было не так трудно. Представители знати, служившие в столичных чинах, были хорошо известны и находились, образно говоря, перед глазами. Совсем иное

¹ Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // *Актовое источниковедение: Сборник статей*. М., 1973. С. 131, 136—137.

положение сложилось, когда количество стольников перевалило за тысячу, а потом и две тысячи человек, а общее число московских чинов составляло более семи тысяч. На московскую службу прибыли многие сотни человек, предки которых никогда не служили в столице. Отныне подьячие, состоявшие «у боярского списка», уже не имели физической возможности запомнить все имена московских чинов, и бумажное делопроизводство неизбежно должно было заставить удерживаемые памятью сведения. Это обстоятельство — рост численности «государева двора» и именованья в порядке учета московских чинов в боярских списках — заставляет вновь поставить вопрос о достоверности содержащейся в них информации.

Изменения в составлении боярских списков 1667—1682 гг. коснулись и основных типов этих документов. В этот период наряду с «подлинными» и «наличными» встречаем новый тип, представленный боярскими списками № 7 (7178/1669 г.) и № 18 (7189/1680 г.). Эти списки озаглавлены «подлинными», но по существу представляют иной тип боярского списка.

Боярский список № 18 имеет следующий заголовок: «Список бояр и окольных и думных и ближних людей нынешнего 189-го году подлинной». Данный заголовок имеет отношение только к его началу: списку думных чинов и комнатных стольников. В этой части документ по типу во всем соответствует обычным «подлинным» спискам. Начиная с л. 10 структура боярского списка № 18 принципиально иная. Так, стольники даны не общим перечнем, а разделены на 18 статей: «стольники походные летние», «стольники походные зимние», «на Москве по приказам и у дел», «в городах и у засек в воеводствах», «я писцах», «я за тем в остатке» и др. Чин стряпчих содержит 8 статей, московских дворян 11 и т. д. Фактически боярский список № 18 состоит из двух частей: обычного «подлинного» списка думных и ближних людей и списка прочих московских чинов без заглавия, который условно можно назвать разборным. Появление этого нового типа боярских списков было вызвано, очевидно, необходимостью систематизации служб тысяч московских чинов.

Принципиально важным является вопрос о том, насколько адекватно боярские списки передают структуру, численность, персональный состав и сведения о службе московских чинов.

Рассматриваемые боярские списки являются подлинниками, но переплетены они были в XIX в. Видимо, тогда был нарушен порядок листов некоторых боярских списков. Так, в «подлинном» боярском списке № 16 7187 г. начальные листы чина московских дворян перепутаны и неверно пронумерованы. При сравнении с другими боярскими списками можно установить первоначальный порядок листов: л. 139—144 об., л. 138—138 об. и далее с л. 145.

Структура «государева двора» представлена в боярских списках делением на чины. Основные чины «государева двора» сложились еще в XVI в. и по традиции сохранялись в боярских списках на протяжении всего XVII в. Однако это не означает, что в действительности не происходили изменения в старых чинах и не возникали

новые. Просто боярские списки с опозданием фиксировали измененные традиции.

Так, комнатные стольники (спальники) выделились в отдельный чин по крайней мере к началу XVII в., а в боярских списках их продолжали записывать в общем списке стольников. В так называемых Дворцовых Разрядах конца 40-х—50-х годов XVII в. спальники и «стольники в комнате» иногда записывались отдельно от прочих стольников, что позволяет установить их персональный состав и численность в эти годы — 17 человек.

В 1663—1664 гг. комнатные стольники были выделены в особый чин и в боярских списках. В «подлинном» и «наличном» боярских списках сентября 1663 г. ближайшие стольники отмечены пометами «комнатной».² В «подлинном» боярском списке октября 1663 г. спальники никак не выделены среди общего числа стольников. В «наличном» списке марта 1664 г. спальники помечены в общем списке стольников особым знаком — „1“, а в «наличном» списке июля 1664 г. впервые вынесены в особый чин перед списком стольников.

С 1672 г. в связи с царской свадьбой в боярских списках появился еще один придворный чин: стольники царицы Натальи Нарышкиной. Однако еще Мария Милославская имела свой штат стольников, но их не записывали в боярских списках. По свидетельству Г. Котошихина, при царице Марии служило «человек с 20» стольников — детей «боярских и околыничих и ближних людей» десяти—семнадцати лет, после чего их жаловали в царские стольники и спальники.³

Сведения Г. Котошихина согласуются с данными более поздних боярских списков. В боярском списке 7180/1671 г. стольники царицы разделены на две части: вначале следуют 19 человек, а затем еще 40, пожалованных с 1671 г., но без указания точных дат пожалования в чин. Точные даты пожалований за 1671—1676 гг. находим в перечне стольников царицы октября 1676 г., составленном в связи с сокращением ее двора и опалами на Нарышкиных в 1676—1677 гг. Из перечня октября 1676 г. следует, что первые 19 царичьих стольников были пожалованы в этот чин еще при царице Марии Милославской «со 157-го года» и перечли во двор новой царицы.⁴

Чин стольников царевичей появился еще до Смуты,⁵ но фиксировать его в боярских списках стали только с 1676 г.: сразу после стольников государя и перед стольниками царицы.

Не все чины «государева двора», уже выделенные в особые статьи, фиксировались во всех боярских списках. Иногда не писали

² РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 355, столбик 3; Стб. 359, столбик 1.

³ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 33.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 484. Л. 766—775. В списке стольников (л. 767—775) листы перепутаны и неверно пронумерованы. При сопоставлении с боярским списком 7180 г. можно установить, что порядок листов должен быть следующим: 767—770, 772, 773, 771, 770а, 773, 775.

⁵ Боярские списки последней четверти XVI—XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2. С. 31. У царевича Бориса Федоровича Годунова были также свои стряпчие и жемчуги (Там же. С. 46, 64). У царевичей второй половины XVII в. известны только стольники.

иноземцев, служащих с московскими дворянами: этой статьи нет в «наличном» боярском списке № 2 7177/1668 г.

Таким образом, боярские списки фиксировали только ту часть московских чинов, которая требовалась в данный момент и не всегда в точности соответствовали реальной чиновной структуре «государева двора».

Рассмотрим данные боярских списков о персональном составе московских чинов. Возросший объем информации в боярских списках приводит ко всякого рода ошибкам и опускам. Сведения о пожаловании в чин за каждый год помещались в боярских списках в конце перечня каждого чина. В принципе в боярских списках указывалась дата пожалования в чин, но здесь были и отступления от этого общего правила.

В «подлинном» боярском списке 7180 г. против имени московского ловчего А. И. Матюшкина находим помету о пожаловании его в думные дворяне 30 мая 1672 г. В перечне думных дворян этого же боярского списка и в боярской книге № 6 7176 г. указана другая дата — 2 июня 1672 г.⁴ Указ о пожаловании Федора Михайлова в думные дьяки был объявлен 14 августа, а в боярском списке находим другое число — 18 августа.⁵ Разница между датой пожалования в чин и датой записи в боярский список у думных чинов, как правило, не превышала нескольких дней. У низших московских чинов она могла быть намного больше. Так, на обороте челобитной А. Г. Соловцова о пожаловании в стряпчие находим две пометы, сделанные разными почерками. Первая — 22 августа 1676 г.: «государь пожаловал велел его написать в стряпчие». Вторая — 26 сентября того же года: «учинить по сему великого государя указу». По боярскому списку А. Г. Соловцов был «пожалован» в стряпчие 26 сентября.⁶ На самом деле это не дата пожалования, а дата записи в боярский список, в данном случае более чем месяц спустя. И. С. Чирикову было сказано быть в стряпчих 12 сентября 1677 г., а в боярский список он внесен с датой пожалования 17 февраля 1678 г., т. е. почти через пять месяцев.⁷

Удалось обнаружить факт, когда, наоборот, в боярском списке указана более ранняя дата пожалования, чем она действительно имела место. Судья Разрядного приказа боярин кн. М. Ю. Долгоруков специально обратился к казначею М. Т. Лихачеву, находившемуся в походе при царе, с просьбой сообщить, когда государь пожаловал в чашишки С. И. Языкова. В ответном письме М. Т. Лихачев сообщил, что государь «пожаловал» С. И. Языкова 10 сентября 1681 г. Однако, согласно боярскому списку, С. И. Языков пожалован в чашишки на пять дней раньше — 5 сентября того

⁴ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 10. Л. 4 об., 5 об.; Боярские списки. № 6. Л. 48 об.

⁵ Там же; Боярские списки. № 10. Л. 5; Дела приказа Тайных дел. СПб., 1907. Кн. 1. Стб. 1601.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 484. Л. 1262—1265 об.; Боярские списки. № 14. Л. 333 об.

⁷ Там же. Московский ст. Стб. 484. Л. 902—902 об.; Боярские списки. № 14. Л. 340 об.

же года.¹⁰ Итак, фиксируя время пожалования и чин, в боярских списках можно указать как подлинную дату пожалования, так и время записи в чин. Разница между этими датами составляла несколько дней, но в отдельных случаях — несколько месяцев.

Пометы на полях боярских списков о смерти московских чинов создают впечатление тщательного контроля за временем их смерти. Однако при сопоставлении боярских списков между собой нетрудно обнаружить факты поразительной небрежности в этом вопросе. В боярском списке № 3 7178/1669 г. против имени стряпчего Б. Ф. Нащокши находим помету «умре тому 2 года». В этом же списке он записан с пометой «на службе». Таким образом, в течение двух лет умерший Б. Ф. Нащокши фигурировал в боярских списках как живой. В боярской книге против его имени сделана помета «177-го умре», т. е. указана другая дата его смерти.¹¹ В том же списке стряпчий Ф. М. Ознобишин был отмечен сначала пометой «на службе», а затем пометой «умре во 176-м году»,¹² т. е. в прошлом году; следовательно, первая помета не соответствовала действительности. Стряпчий С. С. Огибалов в боярском списке № 3 7178/1669 г. значится с пометой «на службе», но на самом деле, как следует из другой пометы, он был «во 176-м году в полку убит».¹³ В боярском списке № 1 7176 г. дворянин И. С. Бунаков написан с пометой «176-го у смотру сказ умре». Несмотря на это, он был внесен в список № 3 следующего 7177 г., а затем против его имени написать: «во 176-м году умре».¹⁴

В «подлинном» боярском списке № 5 7178 г. против имени дворянина Г. Н. Болобонова написано: «176-го умре», т. е. два года назад. Запись о его смерти была внесена и в «наличный» список того же года, но там встречаем другую дату его смерти: «177-го умре». В предшествующих трех боярских списках за эти два года умерший Г. Н. Болобонов значится как живой, причем в одном случае с пометой «на службе».¹⁵ Дворянин Н. А. Вотолпи в боярских списках 7178 г. («подлинном» № 5 и «наличном» № 6) значится с пометами «во 176-м году умре». В трех предшествующих списках он записан живым, а в списке № 3 и с пометой «на службе».¹⁶ В том же «подлинном» боярском списке № 5 против имени дворянина Г. В. Олфимова сделана запись: «у розбору сказ умре лет 5».¹⁷ В предшествующих боярских списках он значится как живой, в том числе и с пометой «на службе». Отставной дворянин князь П. М. Ухтомский в том же списке значится с пометой «во 170-м

¹⁰ Там же. Московский ст. Стб. 628. Л. 768; Боярские списки. № 21. Л. 9 об.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 3. Л. 39; Боярские книги. № 6. Л. 248 об.

¹² Там же. Боярские списки. № 3. Л. 52 об.

¹³ Там же. Л. 53.

¹⁴ Там же. № 1. Л. 97 об.; № 3. Л. 81 об.

¹⁵ Там же. № 5. Л. 87; № 6. Л. 77; ср.: № 1. Л. 104 об.; № 3. Л. 89; № 4. Л. 75 об.

¹⁶ Там же. № 5. Л. 87 об.; № 6. Л. 77 об.; ср.: № 1. Л. 105; № 3. Л. 89 об.; № 4. Л. 76.

¹⁷ Там же. № 5. Л. 79; ср.: № 3. Л. 80 об.

году умре», то есть восемь лет назад.¹⁸ В боярском списке № 15 7186 г. дворянин царицы Натальи Кирилловны Х. А. Юшков значится с пометой «186-го мая в 13 де сказал сын сво Борис Юшков, что умре лет з 10».¹⁹ В рассматриваемый период число таких ошибок — по мере роста численности «государева двора» — увеличивалось от года к году, в случаи многолетней записи в боярских списках «мертвых душ» становились более частым явлением.

В боярских списках имеют место пометы о смерти московских чинов, которые носят неопределенный характер. В боярском списке № 12 дворянин М. Б. Шепелев записан с пометой «справитца умре». Затем помета была зачеркнута, и в боярском списке следующего года М. Б. Шепелев записан вновь. На этот раз против его имени поставлены две пометы «умре».²⁰ Дворянин Е. С. Сытин в двух списках № 14 7185 г. («подлинном» и «наличном») и в «подлинном» списке № 15 7186 г. записан с пометами «бол», т. е. «болеи». В «наличном» списке № 15 того же года против его имени писано «бол, чаю умре». В следующем «подлинном» списке № 16 7187 г. против его имени помечено «бол», а в «подлинном» списке № 17 того же года — «умре».²¹ Остается неясным, когда же умер Е. С. Сытин: в 7187 г., в 7186 г. или даже ранее.

Поскольку большинство московских чинов выбывало из боярских списков с недатированными пометами «умре», то эти пометы нельзя понимать обязательно в том смысле, что смерть наступила в том же году, к которому относится боярский список. Это могло случиться и несколькими годами позже.

В 7186/1678 г. был проведен общий учет данных боярских списков о смерти думных и московских чинов начиная с 7178/1669 г. Результатом этой работы было составление особого списка — «которые со 178-го году померли».²² При сопоставлении данного документа с боярскими списками нетрудно установить, что именно последние и были источником составления сводной росписи об умерших московских чинах. Из боярских списков были выписаны умершие по годам с указанием числа дворов. Составителей списка умерших не интересовала точная дата смерти московских чинов, и если, например, в боярском списке 7178 г. против имени служилого человека стояла помета «177-го умре», его все равно писали в число умерших «во 178-м году», поскольку сведения о его смерти были взяты из боярского списка 7178 г. В результате проведенной работы было выписано 26 думных людей и 454 столпников, стряпчих и дворян, умерших в 1669—1678 гг.

¹⁸ Там же. № 5. Л. 104.

¹⁹ Там же. № 5. Л. 244.

²⁰ Там же. № 12. Л. 84; № 13. Л. 88 об.

²¹ Там же. № 14. Л. 352, 531; № 15. Л. 142, 316; № 16. Л. 143, 150 об.

²² Там же. Оп. 21. № 418. Л. 1. На д. 2 документ имеет более пространную за-

головку: «Список бояр и окошничих и думных и ближних людей и столпников и стряпчих и дворян и дяков и жидцов и городовых дворян и детей боярских, которые со 178-го году померли». Однако данный список не включает дяков, жидцов и городовых дворян и детей боярских. Вероятно, обширный замысел учесть время смерти огромного числа служилых людей остался нереализованным. Данное дело содержит черновые (л. 2—28) и белые (л. 29—57).

Проверка личного состава «государева двора» была продолжена на смотре московских чинов в 7187 г. Результаты этой проверки были учтены не сразу, а лишь на следующий год — в «подлинном» боярском списке № 17 7188/1679 г., в котором составители выявили наибольшее количество неточностей в указании времени смерти московских чинов.

Так, в боярском списке № 17 7188/1679 г. против имени стольника В. Ф. Грибоедова стоит помета «от рапы умер». В списке № 16 предыдущего года против его же имени помечено «убит».²³ Эти две пометы, если принимать их буквально, противоречат друг другу: если В. Ф. Грибоедов был убит к 7187 г., он не мог умереть от рапы в следующем 7188 г. Объяснение этого противоречия лежит в порядке составления боярских списков: В. Ф. Грибоедов был, видимо, по невнимательности внесен в список 7188 г., хотя против его имени в списке 7187 г. уже стояла помета «убит». Затем факт его смерти был установлен еще раз и, кажется, с новыми подробностями — «от рапы умер». Против имени стольника С. П. Вельяминова сделана помета «во 187-м году в полку сказ умер»,²⁴ т. е. факт смерти С. П. Вельяминова был обнаружен еще на смотре 7187 г., но тем не менее он попал в список 7188 г. как живой.

Применительно к думным чинам и стольникам точность сведений о смерти относительно высокая: здесь встречаем только отдельные неточности. В абсолютном большинстве случаев в списке № 17 указана точная дата смерти этих высших чинов государева двора.²⁵

Иную картину наблюдаем для более низких московских чинов: стряпчих, московских дворян и др. Против имени первого в списке стряпчих — кн. Ф. Н. Мецкерского написано: «188-го сказ Иван Иланов сын Рязской, что князь Федор умер тому года з два». В предшествующем «подлинном» списке № 16 7187 г. против имени кн. Ф. Н. Мецкерского есть зачеркнутая помета «умре, справитца».²⁶ Очевидно, так и не выяснив действительное положение вещей, подъячий все же внес Ф. Н. Мецкерского в список № 17 7188 г., хотя сведения о его смерти поступили в Разряд уже в предыдущем году. Стряпчий Н. Г. Супонев уже в «подлинном» боярском списке № 15 7186 г. отмечен записью «умре». Несмотря на эту помету, его внесли в «подлинный» боярский список № 16, в котором он фигурирует как живой. Наконец Н. Г. Супонев записали и в следующий «подлинный» список № 17 7188 г., но затем против его имени было помечено «умре».²⁷ В дальнейшем Н. Г. Супонев в боярских списках нет.

²³ Там же. № 16. Л. 48 об.; № 17. Л. 51.

²⁴ Там же. № 17. Л. 47.

²⁵ Окольный А. Ф. Нарбеков — «188-го июля в 18 де умре», думный дворянин В. Я. Дашков — «188-го декабря в 29 де умре», думный дьяк Ф. Михайлов — «188-го мая в 3 де умре», стольники: Г. Ф. Бутуршин — «188-го июня в 3 де умре», И. Я. Колтовский — «188-го в мае умре», А. И. Колычев — «188-го году декабря в 13 де умре», кн. С. В. Ромодановский — «188-го июня в 2 де умре», В. П. Колтовский — «188-го в декабре умре», Б. В. Резницкий — «188-го в декабре умре». Там же. № 17. Л. 4 об., 6 об., 9, 15, 17, 31 об., 38, 56 об.

²⁶ Там же. № 16. Л. 68; № 17. Л. 31.

²⁷ Там же. № 15. Л. 123; № 16. Л. 110 об.; № 17. Л. 117 об.

Пометы типа «во 187-м году сказ в полку убит» и «во 187-м сказ у смотру умре» выставлены в «подлинном» списке № 17 у стряпчего В. М. Толбузина, кн. А. А. Шаховского, Н. С. Коновнишина; пометы «внысшим во 188-м году у смотру под Киевом сказ умер», «во 188-м году у смотру в Путивле сказ умер» или «188-го году сказ в полку убит» — у стряпчих кн. П. С. Болховского, И. И. Маслова, К. М. Рипцева, Б. А. Ступилина, В. И. Восікова, кн. Г. М. Вадбальского, А. И. Болтина, А. П. Дашкова, В. С. Нащокниа, дворян И. М. Жерсцова, С. А. Трусона, С. Д. Бутурлина, Н. А. Ошавина; против имени стряпчего Р. М. Мотовилова помечено — «умре в Киеве, у смотру сказ». ²⁸ Как отмечалось выше, указанные годы означают не смерть московских чинов в 1787 и 1788 гг., а то, что в эти годы был установлен факт их смерти. Далее в списке дворян такого рода пометы превратились в «сказ в полку умре». Видимо, подьячий, выставляя в боярском списке однотипные пометы, стал их сокращать. Такие сокращенные пометы выставлены против имен дворян В. А. Оксигьева, Ф. Л. Голенищева, Д. П. Овцына, В. С. Загряжского, И. И. Ермолина. ²⁹ Далее подьячий вновь вернулся к вписыванию датированных помет: «во 187-м году в полку сказ умре». Такие пометы стоят против имен дворян: Ф. Б. Головина, И. М. Бжлемищева, Б. А. Короткина, Ф. И. Пушкина, Л. И. Оксакова, И. Р. Игнатъева, С. А. Кузьмина, П. И. Супонеева, А. Л. Ильина, Ф. К. Поливанова, Н. Ф. Карандеева, кн. Н. Д. Горчакова, Е. С. Воронова, С. И. Шипкова, И. В. Соловцовз, кн. Н. И. Мещерского, А. П. Давыдова, С. Е. Поливанова, кн. Я. Ф. Щетилина, И. Д. Засежого, Т. В. Реткина, И. Б. Малахова, А. А. Короткина, Г. П. Нелюрова. ³⁰ Итак, на смотре 1788 г. было выявлено 47 уже умерших московских чинов (2 стольника, 12 стряпчих и 33 московских дворянина), ошибочно записанных в боярском списке № 17 живыми. Составители помет не указали время их смерти. Видимо, оно их вообще в данном случае не интересовало.

Сверх того, против имени Р. М. Фустова стоит помета: «чаю умре». ³¹ Остается неясным: умер ли в действительности Ф. С. Фустов к 1788 г., поскольку в следующем подлинном списке № 19 1789 г. он еще числится, но затем уже исключен из перечня дворян. В соответствии с обычной практикой это может означать как то, что помета «чаю умре» оказалась преждевременной, так и то, что его, уже умершего, сначала внесли в список № 19, а затем, когда сведения о его смерти подтвердились, стали числить в умерших. Против имени дворянина кн. С. П. Белосельского поставлены две пометы: «от службы отставлен, справитца [...] у Ивана [Пара]сукова» и «в Новгороде умре». ³² В данном случае кн. С. П. Белосель-

²⁸ Там же. № 17. Л. 84, 85, 85 об., 86 об., 88, 88 об., 89, 94, 94 об., 116 об., 117, 148 об., 149, 149 об., 151 об.

²⁹ Там же. Л. 152, 155 об., 156.

³⁰ Там же. Л. 160, 161 об., 162, 163, 163 об., 167 об., 170, 170 об., 173, 176, 180, 181, 182 об., 183, 183 об., 185, 185 об., 187, 190, 194 об., 196 об., 205 об.

³¹ Там же. Л. 179.

³² Там же. Л. 204 об. После слова «справитца» — утрата текста.

ский уже после своей кончины был оставлен от службы и лишь задним числом был установлен факт его смерти в Новгороде. Итак, всего в боярском списке № 17 7188 г. самими составителями было выявлено 49 случаев записи «мертвых душ».

Таким образом, в боярские списки из года в год заносили по ошибке и невнимательности некоторое количество умерших людей, против их имен могли даже делать записи «на службе» и затем, обычно во время смотра, обнаруживалось, что они давно умерли. Об этом свидетельствуют многочисленные пометы типа «у смотру сказ умре».

Длительное существование «мертвых душ» в боярских списках обусловлено было самим механизмом внесения в боярские списки сведений об их кончине. Так, 9 июня 1670 г. из Монастырского приказа в Разряд было направлено «письмо» со списком 25 умерших дворян. Только 28 марта 1671 г. на нем была сделана помета: «Таково письмо прислано из Монастырского приказа и на списке отметить справясь».³³ Данные об умерших дворянах находились в Разрядном приказе более девяти месяцев, однако приказные не спешили внести их в боярский список. Против имен 22 дворян, упомянутых в этом «письме», выставлен «крыж». Именно против этих же дворян в «подлинном» боярском списке 7179 г. находим недатированные пометы «умре». Еще три дворянина в этом «письме» «крыжами» не отмечены. Дело в том, что двух из них уже не было в боярском списке 7179 г. В предыдущем боярском списке 7178 г. против их имен находим пометы «178-го умре», почему они и не попали в боярский список 7179 г. Третий дворянин, кн. Н. И. Щербатый, вероятно, был пропущен подьячими, против его имени нет пометы «умре», и он записан в следующих боярских списках.

Еще один тип погрешностей в боярских списках связан с ошибками в именах. Чаще всего они были результатом недосмотра при переписке. Так, в боярских списках 1667—1672 гг. встречаем иноземца Якова Михайлова сына Помаскина. В боярских списках 1673 и 1674 гг. он превратился в Ивана Иванова сына Помаскина, а в 1675 г. — в Ивана Михайлова сына Помаскина, какovým он и числился до 1682 г., когда его пожаловали в стольники. В стольниках он снова записан Иваном Михайловым сыном Помаскиным.³⁴ Стряпчий князь Петр Семенов сын Болховский в четырех боярских списках ошибочно записан Петром Семеновым сыном Шаховским. Наконец, в «наличном» списке 7178 г. встречаем помету «чаю Болховскою».³⁵ В последующих боярских списках было восстановлено правильное написание его фамилии. Дворянин кн. Василий Андреев сын Бабичев в «наличном» списке № 15 превратился в кн. Василия Васильева сына; в следующих списках он значится вновь Василием

³³ Там же. Московский ст. Стб. 44. Л. 200—200 об.

³⁴ Там же. Боярские списки. № 10. Л. 125; № 11. Л. 124; № 12. Л. 130; № 13. Л. 140; № 14. Л. 177, 443 об.; № 15. Л. 220 об.; № 16. Л. 214 об.; № 17. Л. 231 об.; № 19. Л. 300 об.; № 21. Л. 63, 260, 369 об.

³⁵ Там же. № 1. Л. 25; № 2. Л. 19 об.; № 3. Л. 35; № 4. Л. 30; № 5. Л. 35; № 6. Л. 31.

Андреевым сыном.³⁶ Стряпчий Евсигней Микитин сын Неелов (боярские списки № 1, 2, 3, 4, 5, 6 1667—1670 гг.) 5 марта 1671 г. был переведен в московские дворяне. В этом чине он служил до 1677 г., когда вновь был переведен обратно в стряпчие и вписан между строк на прежнее место. Однако теперь он превратился в Григория Михайлова сына Неелова. В стряпчих от служил до января 1681 г., когда опять был переведен в московские дворяне.³⁷ Стряпчий Иван Федоров сын Погожий в «наличном» боярском списке № 4 1669 г. превратился в Ивана Федорова сына Бестужева. В следующих по времени боярских списках эта ошибка была обнаружена и исправлена.³⁸ Дворянин Тимофей Петров Савелов (боярские списки 1667—1676 гг) превратился в Павла Петрова сына Савелова (боярские списки 1677—1681 гг.).³⁹ Дворянин Афонасий Васильев сын Сехерин (боярские списки 1670—1672 гг.) превратился в Афанасия Васильева сына Киреева (боярские списки 1673—1681 гг.).⁴⁰ В боярском списке № 15 7185/1676 г. отчество дворянина Ивана большого Андреева сына Олвицова было исправлено на Петрова сына; в последующих боярских списках его отчество стали писать как Петрова сына.⁴¹

Кроме ошибок, имело место сознательное изменение имен некоторых московских чинов. Память 12 мая 1675 г. сообщает о следующих царских указах: «в прошлых и в нынешних в 183-м году» царь «указал голов и полуголов московских стрельцов в своих государевых указах и во всяких писмах писать имени по своему государеву указу, на том для ведома отписать в Разряд». Далее следует список переименованных стрелецких командиров, имевших московские чины. Например, стрелецкого голову Федора Янова следовало отныне называть Степаном, Федора Уварова — Михаилом и т. д. — всего 21 человек. В конце памяти сделана запись: «в боярском списку нынешнего году под их имени отмечено, а которые в жительство, и тех отмечал Алексей Яковлев мая в 18 день».⁴² В боярском списке № 13 7183/1674 г. против указанных лиц сделаны пометы: «ныне Степан», «ныне Михаил» и т. д. Последующие боярские списки сохранили двойное написание: имя писалось по-прежнему, а рядом следовала помета «ныне Степан» или «ныне Михаил» и т. д. В прочей приказной документации указанных лиц писали отныне исключительно новыми именами.

³⁶ Там же. № 15. Л. 180, 330 об.; № 16. Л. 178 об.; № 17. Л. 187.

³⁷ Там же. № 1. Л. 37 об.; № 2. Л. 19; № 3. Л. 34 об.; № 4. Л. 28 об.; № 5. Л. 34 об.; № 8. Л. 37 об., 105 об.; № 10. Л. 101 об.; № 11. Л. 100 об.; № 12. Л. 97 об.; № 13. Л. 101 об.; № 14. Л. 136, 294 об., 370 об., 507 об.; № 15. Л. 75 об.; № 16. Л. 70; № 17. Л. 81; № 19. Л. 71 об.

³⁸ Там же. № 3. Л. 54; № 4. Л. 46 об.; № 5. Л. 53 об.

³⁹ Там же. № 3. Л. 95 об.; № 4. Л. 80 об.; № 5. Л. 92; № 6. Л. 82; № 8. Л. 99; № 10. Л. 98; № 11. Л. 96 об.; № 12. Л. 95; № 13. Л. 100; № 14. Л. 134 об., 369; ср.: № 14. Л. 539 об.; № 15. Л. 157 об., 324; № 16. Л. 157; № 17. Л. 166. № 19. Л. 143 об.; № 21. Л. 13.

⁴⁰ Там же. № 8. Л. 111; № 9. Л. 81 об.; № 10. Л. 104 об.; № 11. Л. 103 об.; ср.: № 12. Л. 99 об.; № 13. Л. 104; № 14. Л. 137 об., 373, 540 об.; № 15. Л. 161, 325 об.; № 16. Л. 160 об.; № 19. Л. 147; № 21. Л. 177.

⁴¹ Там же. № 14. Л. 160, 393, 547; № 15. Л. 182, 331 об.; № 16. Л. 180; № 17. Л. 189.

⁴² Там же. Московский ст. Стб. 485. Л. 244—245.

В боярских списках есть примеры сознательного искажения информации. Так, к 1 сентября 1682 г. чины боярства имели шесть князей Хованских: Семен Андреевич, его брат Иван Андреевич Тараруй, сын-нольня последнего — Петр, Андрей и Иван, а также Петр Иванович Змей. Однако в «подлинном» боярском списке № 22, составленном, как указано в заголовке, на 1 сентября 1682 г., находим только боярина кн. С. А. Хованского с пометой «велено жить в деревне до указа»,⁴³ а остальных пяти бояр кн. Хованских в списке вообще нет. Дело в том, что 17 сентября 1682 г. кн. И. А. Хованский Тараруй и его сын Андрей были казнены «за измену», а еще трое бояр Хованских разжалованы. Следовательно боярский список, составленный на 1 сентября 1682 г., на самом деле отражал положение на более позднее время. Столь нарочитое исключение бояр Хованских из перечня бояр было вызвано, конечно, политическими причинами. Хованские были провозглашены изменниками, и сами их имена задним числом были изъяты из боярского списка, в котором они должны были находиться.

Этот факт не позволяет считать боярские списки «беспристрастным» источником. Как видим, они были подвержены влиянию политической конъюнктуры, существенно искажавшей подлинную информацию о составе московских чинов. Такие искажения имеют важнейшее значение для исследования политической и придворной истории.

Итак, боярские списки и боярские книги второй половины XVII в. содержат больше ошибок и неточностей, чем аналогичные документы конца XVI—начала XVII вв. При статистическом изучении состава «государева двора» такие погрешности составляют менее одного процента численности московских чинов и существенно не влияют на количественные подсчеты. При персональном изучении «государева двора», напротив, неточности в именах и времени пожалования в чин или смерти могут иметь решающее значение.

Сведения боярских списков и боярских книг дополнялись памятью подьячих, состоявших «у боярского списка». Эту особенность источника отражают пометы типа «чаю умре», «справитця». Они выставлялись подьячими для памяти и могли быть указанием на необходимость проверить точность сведений. На практике, несмотря на такие пометы, подьячие заносили сомнительные данные и в следующие боярские списки — так ошибочные сведения кочевали из одного боярского списка в другой. Далеко не вся нужная информация сразу же заносилась в боярские списки и боярские книги, а иная вообще не заносилась. Так, даты смерти думных чинов то фиксировались весьма точно с указанием года, месяца и числа, то просто с указанием года, а то и вовсе без даты — «умре». Здесь не было жесткой нормы. Время смерти первостатейных думных людей было хорошо известно. Как правило, думных людей отпевал сам патриарх, и в случае надобности дата их кончины могла быть установлена без особого труда.

Таким образом, боярские списки и боярские книги, как и вообще документы средневековья, не являются статистическими документами в современном смысле слова — точность их сведений требует дополнительной проверки.

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 22. Л. 2.